

Образный компонент метафоры в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений В. В. Путина)

А. Б. Елизаров

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
alelizarov@yandex.ru.*

Аннотация. Статья представляет собой исследование степеней образности метафор в политическом дискурсе на материале публичных выступлений В. В. Путина. Автором рассматриваются три степени образности метафор по частотности их объективации в дискурсе и силе образного компонента. По результатам исследования были сделаны выводы о том, что наиболее частотно репрезентированной группой являются узуальные метафоры, по силе образного компонента в политическом дискурсе выделяются окказиональные метафоры.

Ключевые слова: метафора, политический дискурс, степени образности метафоры, узуальная метафора, окказиональная метафора, «мертвая» метафора

Для цитирования: Елизаров А. Б. Образный компонент метафоры в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений В. В. Путина) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 41–47.

Original article

The Figurative Component of Metaphor in Political Discourse (based on V. V. Putin's public speeches)

Aleksandr B. Elizarov

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
alelizarov@yandex.ru*

Abstract. The article represents a study of the degrees of imagery of metaphors in political discourse (based on V. V. Putin's public speeches). The author considers three degrees of imagery of metaphors according to the frequency of their objectification in discourse and the strength of the figurative component. According to the results of the study, the conclusions were made that the most frequently represented group is the usual metaphors, the occasional metaphors are distinguished as the strongest in accordance with the figurative component in political discourse.

Keywords: metaphor, political discourse, degrees of metaphor imagery, usual metaphor, occasional metaphor, «dead» metaphor

For citation: Elizarov, A. B. (2024). The figurative component of metaphor in political discourse (on public speeches of V. V. Putin). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 41–47. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Риторика современного политического дискурса насыщена примерами метафор различной степени образности. В связи с этим интерес исследования данного явления с точки зрения его репрезентации и функционирования в речи политиков не ослабевает среди ученых-лингвистов. Кроме того, как справедливо отмечают исследователи метафор Дж. Лакофф и М. Джонсон «Метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [Лакофф, 1990, с.387].

Можно говорить о том, что метафоризация присутствует во всех сферах человеческой деятельности, метафорической экспансии так или иначе подвержены разные виды дискурса. Принимая во внимание всесторонний охват метафорой языковых аспектов, можно выделить тот факт, что она выступает неким средством познания и вербализации окружающей действительности. Более того, по мнению Н. Ю. Чечиной, «метафора представляет собой квинтэссенцию универсального и специфичного, поскольку, с одной стороны, является орудием познания и мышления, а, с другой – опирается на национально-культурное мировоззрение человека» [Чечина, 2023, с. 105].

МЕТАФОРА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Метафора является важным инструментом языка, особенно в политическом дискурсе, где она служит для формирования и утверждения определенных идей, ценностей и убеждений. Образный компонент метафоры играет значительную роль в политической коммуникации, поскольку обогащает и усиливает политическую ретиорику, делая ее более эмоциональной и образной, а также помогает сформировать определенные политически выгодные ассоциации и представления у потенциальной целевой аудитории.

Исследование метафоры, ее особенностей и функционирования в дискурсе представляет большой интерес для ученых-лингвистов. Среди ученых, которые посвятили свои труды изучению данного феномена, отметим Н. Д. Арутюнову, М. Блэка, Э. В. Будаева, М. Джонсона, И. М. Кобозеву, Дж. Лакоффа, Г. Н. Складневскую, А. П. Чудинову и др.

В связи с тем что изучение метафоры в современной политической риторике требует всестороннего рассмотрения вопроса, считаем необходимым придерживаться понятия «политический дискурс», предложенного Е. А. Шейгал, которая отмечает, что

политическая коммуникация в широком смысле включает «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал, 2000, с. 34].

Анализируя метафору в нашей работе, мы придерживаемся определения Н. Д. Арутюновой: метафора представляет собой троп или фигуру речи, которая состоит в «употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений, действий или признаков для характеристики или номинации другого объекта, сходного с данным в каком-либо отношении. Метафора предполагает использование слова не в его прямом значении, вследствие чего происходит преобразование его смысловой структуры»¹. Именно модификация смыслового значения, которая связана с воздействием на денотат и создает семантическую двуплановость, присуща метафоре.

В политическом дискурсе наряду с медийным дискурсом «эффективность доставки сообщения адресату определяется не только обращением к социальной проблематике, но и правильным соотношением избранной темы с когнитивным планом декодирования сообщения реципиентом» [Романтовский, Шенлебен, 2023, с. 90]. Таким образом, раскрываемость метафорического смысла происходит уже на этапе продуцирования высказывания.

Говоря о политическом дискурсе, отметим, что метафоры часто используются для создания образов и символов, которые становятся ключевыми элементами политической коммуникации. Например, метафорическое выражение «камень преткновения» образно указывает на проблему или спорный вопрос, который создает затруднения для достижения цели или развития процесса. Такие метафоры способны мобилизовать общественное мнение, персонифицировать политические идеи и даже создавать некоторые стереотипы.

Важно отметить, что метафоры в политическом дискурсе также могут использоваться для создания эмоциональной реакции у аудитории. Так, метафора «стена» в политике может быть использована для воздействия на эмоциональный компонент слушателей, ассоциируясь с идеей безопасности или разделения. Более того, метафоры в политическом дискурсе способны структурировать и упорядочивать сложные политические концепции, делая их более доступными для широкой аудитории. Например, метафора «коридор власти» может представлять сложные политические процессы в виде простого и понятного образа для широкой публики.

¹Арутюнова Н. Д. Метафора // БЭС. Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 316.

МАТЕРИАЛ, ЦЕЛЬ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования в нашей работе послужили опубликованные выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина в период с 2020 по 2023 годы. При исследовании фактического материала было выделено 356 метафор для проведения последующего анализа.

Проводимый в работе анализ основывается на ряде методов, который был применен в рамках комплексного подхода к изучению исследуемого нами феномена. Так, метод сплошной выборки был использован для сбора практического материала, методы компонентного и контекстуального анализа с целью их дальнейшей классификации, описательно-аналитический метод был применен в исследовании для характеристики изучаемых метафорических единиц.

Целью нашего исследования полагаем определение характера метафор политического дискурса на материале публичных выступлений В. В. Путина в соответствии со степенями образности. На наш взгляд, образный компонент метафоры играет важную роль в политическом дискурсе, помогая политикам устанавливать связи с аудиторией, формировать общественное мнение и передавать сложные идеи и ценности через эффективное использование речевых приемов. В ходе исследования нами были выделены категории метафор по степени образности, объективирующиеся в политическом дискурсе: образные и устоявшиеся, или так называемые «мертвые», метафоры.

СТЕПЕНИ ОБРАЗНОСТИ МЕТАФОР В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Вслед за В. П. Москвиным, базируясь на целостности внутренней формы, мы выделяем две группы метафор, где образные метафоры характеризуются семантической двуплановостью, а устоявшиеся метафоры, как правило, являются носителями исключительно семантического значения и выполняют номинативную функцию [Москвин, 2004]. В свою очередь, образные метафоры можно разделить на две подгруппы метафор – узуальные и окказиональные. В проводимом нами анализе мы выделяем 356 метафорических единиц, среди которых образные метафоры составляют 320 единиц, где на узуальные приходится 175 единиц анализа, окказиональные метафоры составляют 145 единиц, на долю «мертвых» метафор приходится 36 единиц, что составляет наименьшую группу. Рассмотрим каждую из них более подробно.

Узуальные метафоры

Под узуальными метафорами понимаются «метафоры либо общеупотребительные, либо получившие распространение в одной из функциональных подсистем языка: в том или ином языке для специальных целей» [там же, с. 133]. Можно говорить о том, что узуальная метафора имеет некую устоявшуюся сущность, в связи с которой повышается ее доступность для понимания целевой аудиторией. Это объясняет наибольшую степень объективации данной метафоры в политическом дискурсе, где особенно важно донести для реципиента смысл высказывания, чтобы в дальнейшем было принято политически выгодное решение. В зависимости от самой коммуникативной потребности узуальная метафора характеризуется общеизвестностью и максимальной доступностью для носителей определенной лингвокультуры. Данный тип метафор способен восприниматься носителем языка автоматически, не требуя тех или иных пояснений, а также свободно воспроизводиться. Проанализируем некоторые примеры узуальных метафор.

Приведем пример, где фигурирует, ставшая уже классической в политическом дискурсе узуальная метафора «театр военных действий»:

США и НАТО приступили к беззастенчивому освоению территории Украины как *театра* потенциальных *военных действий*¹.

Военная метафора довольно часто репрезентируется в текстах, содержащих политическую риторику, и имеет особый статус. Это во многом обусловлено тем, что современная политика так или иначе связана с информационной войной. В приведенном примере клишированная метафора «театр военных действий» представляет войну как некое театральное действие, у которого существуют не только актеры, в данном случае непосредственные участники конфликта, но и потенциальные зрители.

Еще один пример узуальной метафоры, которая относится к фрейму «театр», можно продемонстрировать, обратившись к следующему высказыванию:

Устойчивой государственности на Украине так и не сложилось, а политические, выборные процедуры служат лишь прикрытием, *ширмой для передела власти* и собственности между различными олигархическими кланами.

¹Зд. и далее примеры приводятся по электронному ресурсу. – А. Е. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/67828>

Так, под ширмой, прямым значением которой является перегородка, разделяющая пространства, в приведенном примере подразумевается некое прикрытие неблагоприятных действий.

Следующий пример демонстрирует, как не всегда доступные для восприятия действия могут быть осмыслены путем проведения корреляций с известными предметами и явлениями:

В середине 1980-х годов на фоне нарастающих социально-экономических проблем, очевидного кризиса плановой экономики национальный вопрос, сутью которого были не какие-то ожидания и несбывшиеся чаяния народов Союза, а прежде всего *растущие аппетиты* местных элит, всё более обострялся.

В данном случае таким известным действием выступила метафора «растущие аппетиты», которая по своему прямому значению относится к физиологическим процессам, однако в приведенном примере отражает возрастающую алчность и желание нажиться.

В некоторых высказываниях присутствует целый кластер узуальных метафор, которые, объективируясь в одном предложении, способствуют усилению эмпатии политического высказывания:

Совершив государственный переворот, националисты и те политические силы, которые их поддерживали, окончательно *завели* ситуацию *в тупик, столкнули* Украину *в бездну гражданской войны*. Спустя восемь лет после тех событий *страна расколота*.

Анализируя приведенный выше пример, необходимо отметить сразу три узуальные метафоры «завести в тупик», «столкнуть в бездну», «страна расколота», которые, по сути, создают своего рода метафорическую градацию, наращивание драматической атмосферы, которая позволяет продемонстрировать масштаб проблемы. Градация в данном примере является довольно динамической, это обусловлено тем, что первые две метафоры имеют значение действия, в то время как последняя уже указывает на результат.

Узуальная метафора политического дискурса публичных выступлений В. В. Путина имеет наибольшее распространение, что говорит о ее главенствующей роли среди классификации метафор по степени образности. Такой показатель характеризуется общедоступностью и известностью объективируемых предметов или явлений для потенциального адресата, что способствует достижению максимального осмысления воспроизводимого высказывания.

Окказиональные метафоры

Следующей выделенной нами подгруппой метафор, имеющих образный компонент, является окказиональная метафора, которая в нашем исследовании представлена 145 единицами, и занимает второе место по частотности репрезентации в дискурсе. Окказиональные метафоры также характеризуются уникальным индивидуально-авторским компонентом, так как существуют исключительно в рамках того контекста, в котором объективируются в данный момент. В связи с этим, можно говорить о том, что в отличие от узуальных метафор, которые доступны для понимания представителями той или иной лингвокультуры в связи со своим устоявшимся статусом, окказиональные метафоры не являются до конца освоенными системой языка и потому иногда требуют пояснения. Этим объясняется их не столь частая объективация в политическом дискурсе по сравнению с узуальной метафорой. Рассмотрим некоторые примеры узуальных метафор в политическом дискурсе.

Бацилла националистических амбиций никуда не делась, а изначально *заложенная мина, подрывающая государственный иммунитет* против *заразы национализма*, только ждала своего часа. Такой миссией, повторю, было право выхода из СССР.

Приведенный пример демонстрирует целый ряд окказиональных метафор, объективирующихся в одном предложении. Автор в приведенном высказывании обращается к сферам «здоровье» (*бацилла, иммунитет, зараза*) и атрибутам, относящимся к сфере «война» (*заложенная мина*). Так, из примера видно, что окказиональные метафоры, действительно являются нетривиальными и не позиционируются в тексте как классические клишированные элементы, они имеют индивидуально-авторскую нагрузку и порождены текущим контекстом коммуникативной ситуации. Это говорит о их большей экспрессивно-выразительной, эмотивной нагрузке, нежели у узуальных, а тем более «мертвых» метафор.

Следующий пример демонстрирует схожую с вышеприведенным высказыванием окказиональную метафору:

Им оказывалось нетрудно раз за разом навязывать свою волю слабой власти, которая сама была *поражена вирусом национализма и коррупции* и искусно подменяла истинные культурные, экономические, социальные интересы народа...

Комментируя данный пример, можем отметить, что автор цитаты вновь обращается к субсфере

«здоровье», репрезентируя метафору «вирус национализма и коррупции».

В процессе анализа метафор мы отметили, что некоторые из окказиональных метафор в политическом дискурсе могут повторяться. Таким образом, нами был сделан вывод о том, что подобные повторы авторских метафор могут свидетельствовать о том, что некоторые окказиональные метафоры с течением времени приобретают статус узуальных, фиксируясь в языке и культуре. Это объясняется тем, что, повторяясь несколько раз, метафора закрепляется в лингвокультуре и становится доступной для понимания широкой аудитории, т. е. приобретает статус устоявшейся сущности.

Проанализируем следующий пример окказиональной метафоры:

Подлетное время до Москвы крылатых ракет «Томгавк» составит менее 35 минут, баллистических ракет из района Харькова – 7–8 минут, а гиперзвуковых ударных средств – 4–5 минут. Это называется, прямо **«нож к горлу»**.

В приведенной цитате метафора «нож к горлу» служит показателем прямой угрозы, которую создает описываемая в тексте ситуация. Уникальность репрезентируемой метафоры заставляет потенциального реципиента острее чувствовать опасность, исходящую от данных действий.

Приведем еще один пример:

Коррупция, которая, без сомнения, является вызовом и проблемой для многих стран, в том числе и для России, на Украине приобрела какой-то уже особый характер. Она буквально **пропитала, разъела** украинскую **государственность**.

Употребление метафоры «пропитать и разъесть государственность» создает у адресата прямые ассоциации с неким едким химическим веществом, которое как кислота разъедает предметы. В данном примере таким веществом является коррупция, которая согласно тексту, пагубно влияет на государственные устои страны, медленно, но верно разрушая их.

Проанализировав образный компонент окказиональных метафор в политическом дискурсе, можем сделать вывод о том, что данный тип метафор в связи с наличием авторской отнесенности характеризуется большей эмотивностью и экспрессивной выразительностью. Это говорит о том, что метафоры данной группы используются автором в тех ситуациях, когда следует создать максимальный акцент на том или ином явлении. Кроме того, исходя из проведенного анализа, отмечаем,

что некоторые окказиональные метафоры могут повторяться и с течением времени переходить в разряд узуальных и, фиксируясь в лингвокультуре, приобретать статус общеупотребительных.

«Мертвые» метафоры

«Мертвые», или устоявшиеся, метафоры характеризуются отсутствием образного компонента, не имеют той метафорической выразительности, которая присуща группе образных метафор. «Мертвые» метафоры давно утратили свою двуплановость и имеют лишь семантическое значение. Согласно нашему исследованию, в политическом дискурсе они составляют наименьшую по объективации группу, на них приходится 36 примеров.

«Мертвые» метафоры в политическом дискурсе, как правило, относятся к номинации политических явлений (партийные ряды, инструменты удержания власти):

А затем и вовсе **пошли проторенной** на заре создания СССР **дорожкой** удовлетворения амбиций националистических элит, выращенных в собственных **партийных рядах**, позабыв при этом, что **в руках у КПСС** нет уже, да и слава богу, таких **инструментов удержания власти** и самой страны, как государственной террор, диктатура сталинского типа.

Кроме того, в приведенном примере присутствует метафора «путь» (*пройти проторенной дорожкой*), которая не только демонстрирует вектор движения, но и наименьшую степень трудности движения по заданному пути. Мы также наблюдаем, что приведенный пример изобилует наличием метафор разной степени образности, вместе с «мертвыми» метафорами, там присутствуют узуальные (*на заре создания, быть в руках у кого-либо*).

Следующие примеры также содержат «мертвые» метафоры:

...реальный суверенитет Украины разного рода спекуляциями на **национальной почве** и внешней этнографической атрибутикой», «всю систему, все **ветви власти**.

В приведенных выражениях *на национальной почве* и *ветви власти* не осталось образного компонента, потенциальный реципиент воспринимает лишь их семантическое значение.

Примеры проанализированных нами «мертвых» метафор в политическом дискурсе объективируются практически в качестве терминологических единиц, а значит, выполняют исключительно номинативную функцию. Некоторые из приведенных примеров

стали неотъемлемой частью политического дискурса и полностью утратили свою образность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение представляется немаловажным отметить, что наличие образного компонента в метафоре является важным фактором для создания убедительного высказывания в политическом дискурсе. В проведенном исследовании нами было выявлено, что доминантной группой метафор по степени образности выступает узуальная метафора. Это объясняется тем, что метафоры данной группы позволяют передать сложные политические идеи в доступной форме, активизировать эмоциональную составляющую аудитории и создать общий смысловой фон между адресатом и адресантом. Второй по частотности репрезентации является группа окказиональных метафор, которые отличаются большей эмотивностью и меньшей тривиальностью, так как не имеют строгой закреплённости в лингвокультуре. Они помогают установить эмоциональную связь с аудиторией, вызывая ее сочувствие или поддержку, а в некоторых случаях и негативную реакцию. Метафоры, с присущим им образным компонентом, позволяют создавать эффектную риторику и убеждающие сообщения, воздействуя на подсознание потенциального

реципиента. В свою очередь, наименьшей по частотности объективации группой выступает группа «мертвых» метафор, которые, утратив свою двуплановость, в политическом дискурсе выполняют номинативную функцию.

Таким образом, можно говорить о том, что степени образности метафоры играют немаловажную роль в политическом дискурсе, помогая политикам устанавливать связи с аудиторией, формировать общественное мнение и передавать сложные идеи и ценности через эффективное использование языка. Образные компоненты метафоры в политическом дискурсе часто используются для передачи сложных политических и социальных идей. Кроме того, образный компонент метафоры в политическом дискурсе служит для убеждения аудитории в правильности принятия политического решения, подчеркивая позицию того или иного решения.

На наш взгляд, данное исследование представляет новые перспективы в сфере политической риторики и способствует расширению нашего понимания влияния образных компонентов метафоры на политический дискурс. Перспективу дальнейших исследований мы видим в рассмотрении степеней образности метафоры в личностных дискурсах политиков и исследовании данного явления в других дискурсах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Чечина Н. Ю. Метафоризация экономической лексики в медиадискурсе современного китайского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 104–110.
3. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
4. Романовский А. В., Шёнлебен М. М. Сферы-источники и специфика употребления концептуальной метафоры в медиатекстах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 89–95.
5. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры: терминологический словарь-справочник. М.: УРСС, 2004.

REFERENCES

1. Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. (1990). Metaphors we live by. Moscow: Teoriya metafory. (In Russ.)
2. Chechina, N. Yu. (2023). Metaphorization of economic terms in the media discourse of the modern Chinese language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 104–110. (In Russ.)
3. Shejgal, E. I. (2000). Semiotika politicheskogo diskursa = The semiotics of political discourse: PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)
4. Romantovskij, A. V., Shyonleben, M. M. (2023). Spheres-Sources and Specifics of Use of Conceptual Metaphor in Media Texts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13 (881), 89–95. (In Russ.)
5. Moskvina, V. P. (2004). Vyrazitelnye sredstva sovremennoj russkoj rechi: tropy i figury = Expressive means of modern Russian speech. Tropes and figures: terminological dictionary. Moscow: URSS. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елизаров Александр Борисович
старший преподаватель
кафедры переводоведения и практики перевода английского языка
переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elizarov Aleksandr Borisovich
Senior Lecturer
at the Department of Translation Studies and Translation and Interpreting (the English Language)
the Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	19.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication